

Толстопятова (урожд. Буракова) Валентина Викторовна

Дед мой Никифор Устинович Козловский родился в Могилёвской губернии Беларуси в последней четверти 19 века (1873 г.р.). Моя бабушка, Козловская (Сташкова в девичестве) Ирина (Арина) Васильевна родилась там же в 1875 г. Прожили они в Беларуси до 1900 г. (1903–?), а затем уехали в Сибирь на свободные земли. Приехали они втроем с дочерью Ульяной, 1901 г.р.

Обосновались мои предки к северу от г. Омска: если по р. Иртыш, то в 450 км, а если по суше – в 350 км. Облюбовали место в тайге, где никто не жил. Вначале они хотели поселиться на берегу реки Шиш (приток Иртыша), но потом передумали – решили, что в реке могут утонуть дети, и отступили от Шиша на 2 км вглубь. Назвали посёлок Красным Яром.

Приехали сюда ещё несколько семей: Горенковы, Щебет, Мигаль, Мамик (Мамиков – ?), Сивцовы, Бураковы, Ходасевич. Начали валить лес, строить дома, расчищать землю под пашню. Мой дед построил двухэтажный дом, развел лошадей, коров, овец, свиней, купил сенокосилку. Планировал построить водяную мельницу на речке Кумлы. Сеял овёс, пшеницу, горох.

Детей у Козловских народилось 14 человек! В том числе и моя мама. Из них 7 детей умерло во младенчестве. Были в их числе двойня и тройня. Из тройни вырос один сын, а из двойни – одна дочь. Никаких врачей тогда в посёлке и в помине не было. Роды принимала бабка-повитуха Алёна.

Вот так и жили переселенцы. Называли их «самоходами» – потому как пришли сюда они по своей воле. А недалеко от посёлка КрасноЯр, в Знаменке, жили «чалдоны» – в основном ссыльные.

Революция и гражданская война 1918-1922 гг. обошли наш посёлок стороной. Но в 1929 г. на село пришла другая беда – поголовная коллективизация крестьянских хозяйств. Мой дедушка Никифор в колхоз вступать отказывался категорически. По решению местных властей у него отобрали весь скот, а дом разобрали и перевезли в деревню Усюльган, где из этих брёвен построили школу. Деда увезли «за болото» – в Нарымский край, на Кулай.

Кулай – спецпоселение репрессированных в Тарском районе Омской области, трудовой посёлок, существовавший с 1928 г. Спецпоселение стало ме-

стом, где в годы репрессий располагалась печально знаменитая Кулайская комендатура. Первая партия поселенцев насчитывала 8890 человек. Почти все спецпоселенцы погибли от голода и холода. Чудом, выжившие люди были тяжело больны. Трудовой посёлок «Кулай» просуществовал 18 лет и был ликвидирован в 1946 г. На Кулай возможно добраться только вертолётном или по зимнику. В память жертв этого печально известного трудпосёлка был установлен восьмиметровый поклонный крест.

Козловский Никифор и на Васюганском болоте духом не упал – выкопал землянку и прожил в ней два года, а затем вернулся в Красный Яр. Бабушку Ирину сначала тоже хотели сослать, но женщины посёлка не отдали её уполномоченным, сказав: «Она нам ничего худого не делала, ну отпустите её».

Когда дед вернулся, он построил домик-стопочку возле оврага. Я помню этот домик. Стены были из толстых брёвен, два окна. В избе была русская печка, койка, большой деревянный сундук, стол под иконами. Пол был некрашенным. Под домом был большой погреб, где хранились картошка, морковь, репа, турнепс, брюква, свёкла. В деревянных кадучках держали солёные грибы и капусту. Позже дед выкопал землянку для бани. Топилась баня по-чёрному и была очень тёплая. Помню, как в первый раз я вымылась, а мама говорит: «поцелуй деду руку». Я подошла, а он спал на койке. Поцеловала ему руку, но дед даже не ощутил мой благодарный поцелуй.

Сыновья Никифора Устиновича и Ирины Васильевны – Павел и Дмитрий – уехали из Красно Яра. Павел умер в трудармии во время войны, а Дмитрий пропал без вести. Бабушка Ирина тайно ездила к нему куда-то, но мы этого не знали. Все было в тайне, говорили, что Дмитрий сменил имя и фамилию. Такое тяжёлое время было...

Мои родители уехали на Украину, там и родился мой старший брат Анатолий (проживал в г. Киеве и умер в 2016 г.). У Анатолия родилось двое сыновей, причём национальность в свидетельствах о рождении у них указана по-разному: у одного сына – «русский», у второго – «украинец».

Я родилась 28 февраля 1930 г. в Красном Яре, крестили меня в церкви села Атирка. Причём возили на крестины дважды (в первый раз не оказалось священника). Моим крестным отцом был родной брат отца Николай. Крёстной

матерью стала родная сестра моей мамы, Варвара.

О моих предках со стороны отца я знаю очень мало, потому что когда мне было года два, родители разошлись, и мы почти не общались с ними. Дед – Бураков Ефим Николаевич – тоже приехал из Беларуси. Его первая супруга умерла при родах второго сына, и дед снова женился. Вторая жена, Христина, родила ему ещё шестерых детей. Мой отец после развода повторно женился, у них родилась дочь. На фронт папу не брали по состоянию здоровья. Работал он на железной дороге. Умер в 1942 г. в г. Барабинске.

Моим основным воспитателем был дед Никифор. Он всему учил: и Богу молиться, и печку топить, и в огороде работать, и грибы с ягодами собирать, и на кедры за орехами лазить, и ничего и никого не бояться в жизни. Бывало, мальчишки расшумятся, а я к деду и на ухо (Никифор Устинович был инвалидом по слуху, потерял слух на 50 % в период первой мировой войны на фронте, в 1916 г., в результате контузии) доношу, кто больше всех шумит. А он мне отвечает: «А доносчику достанется больше!». Я это учла и никогда не доносила на кого-либо.

Дедушка наш работал на лесоучастке в бондарке, где делали бочки, бочата и другие ёмкости. Для дома дед мастерил корзины из прутьев, кузовки из бересты. А какие он плёл лапти – заглядение! Это была незаменимая летняя обувь: на сенокосе, и по бору ходить, и на кедры карабкаться.

Умер дед Никифор в старости, в октябре 1947 г., и захоронен в Красном Яре. Бабушка Ирина умерла в Омске в 1959 г. До смерти она жила у внука Леонида – сына тёти Варвары.

Татары

В деревне Качуково жили татары. Раз в год там проводился праздник сабантуй. Мы, деревенские ребята, обязательно бегали посмотреть на него. Праздник татары проводили очень весело. Организовывались скачки на лошадях, бег на перегонки, борьба, лазанье на столб. Пели и танцевали под татарскую музыку. В больших котлах варилась конина. Мы, русские её не ели. Считалось большим грехом употреблять в пищу конину.

Недалеко от Качуково находилось мусульманское кладбище. Женщинам здесь появляться запрещалось. Надгробиями служили бревенчатые срубы.

Никаких других знаков на могилах не было. Мы боялись туда заходить.

Также мне приходилось бывать в Качуково, когда я училась в 8-10 классах, так как путь в школу пролегал через эту деревушку. Нам с моим двоюродным братом Иваном приходилось обращаться к татарам, чтобы они довезли нас до Знаменского, а это в половодье 10 км по Иртышу. Конечно же, нас не возили специальным рейсом, только попутным. Плату не брали. Однажды я попросилась, а они спрашивают: «Ты кто такая?». А я говорю: «Я, Викторова дочка». «А, Пикторова дочка! Садись». Татары ещё помнили моего отца Виктора и не отказывали. Правда и мне приходилось работать веслом до мозолей на руках. Этим рейсом везли бочку клюквы. Когда мы доехали до деревни Солдатское, нас накрыло волной от разворачивающегося парохода. Мы только успели пристать носом лодки к берегу. Один татарин заругался по-своему, а второй крикнул на него: «Чего поднимаешь панику, вон девчонка сидит, молчит!»

Начало работы

В нашем посёлке было две организации: колхоз и лесоучасток имени 15-летия РККА. Работать я начала ещё в детстве. Заставили меня быть сторожем на огороде. У нас на лесоучастке был огород, где выращивали разные овощи, коноплю и табак. Мне поручили гонять кур из огорода. Мама будила меня очень рано, раньше куриц. Вздремну, бывало, днём, а в это время куры успевали напакостить – наделать «наклёвышей» на огурцах. Чтобы огородница Екатерина не ругала меня, я прятала эти самые «наклевыши» в навозе. Но огородница увидела, что огурцы исчезают, и заподозрила меня в воровстве.

Зимой бабушка Ирина ткала льняное полотно, а летом я его отбеливала и красила берёзовой, сосновой, лиственничной корой.

Кроме охраны огорода мне также приходилось полоть грядки. А один раз меня даже похвалили в стенгазете за хорошую прополку. Ещё я обрывала цветки на табаке, говорили, что от этого табак будет крепче. А однажды меня отправили вырывать посконь у конопли. Я дергала-дергала и упала в обморок. Больше туда по одному не отправляли.

На нашем лесоучастке был кирпичный заводик. Глину месили с помощью лошади, которая ходила по кругу. Погонщиками были мальчишки, а мы –

девчонки и женщины – возили на одноколёсных тачках кирпич-сырец в печь для обжига. А как кирпич обожгут, вывозишь его и складываешь под навес. За вывоз сотни кирпичей давали 100 граммов хлеба. Я старалась вывезти на килограмм, а иногда и больше. Женщины очень ругали меня за такую прыть. Говорили: «Под старость отрыгнётся». Так и вышло, сейчас болят ноги – надсадилась с детства.

Ещё я собирала живицу – сосновую смолу. Мама и другие женщины нарезали хаком (специальный инструмент) желобки на соснах «ёлочкой». В низу этой «ёлочки» крепился стаканчик, в который и собиралась смола. Эта работа была очень тяжёлая. Собранную смолу приносили на смолокурный заводик. На нём же перерабатывали старые сосновые пни. Их выкорчёвывали вручную (Ребрихинскому лесхозу с его техникой такого и не снилось), распиливали на небольшие чурбаки, раскалывали и погружали в большие котлы. Затем древесину нагревали без доступа воздуха, а по специальным трубкам вытекала смола и скипидар. Полученный древесный уголь увозили на колхозную кузню. Из бересты таким же способом выгоняли дёготь.

Школьные годы

В нашем посёлке была начальная школа. Когда я пошла в первый класс, то сильно заболели ноги. Пришлось школу бросить и меня зимой на саночках увезли за 25 километров в больницу. Там меня подлечили, и на следующий год я снова пошла учиться. Первым учителем был Семён Ионович Кочерженко. Училась я хорошо, после окончания 4-го класса ходила в семилетку, расположенную в 7 км от нашего КрасноЯра, в селе Большие Тунзы. Один раз в неделю после занятий, в субботу, я уходила домой, а в воскресенье возвращалась обратно. Первые полгода жили мы жили на частной квартире. Вшестером мы размещались в крохотной комнатухе: хозяйка, её парализованная сестра Нюшка, я, два моих двоюродных и один троюродный брат.

После Нового года мы ушли на другую квартиру к бабке Малашихе. Я спала на русской печке и часто по всей ночи читала книги. Помню «Детей капитана Гранта». Весной мы готовили еду около большого пня на улице. Нарубим палок и варим «болтушку» натрём на тёрке 2-3 картофелины, прокипятим и едим без хлеба.

В 6-7 классе мы жили у Устиновых. В одной комнате жили: хозяин с женой и двумя детьми, и мы, трое квартирантов. Спали на нарах. Стены были деревянные, а в щелях между брёвнами полным-полно клопов. Под нарами держали телёнка, свиней кормили в избе, а потом выгоняли их в пригон. Уроки готовили вечером. Усядемся впятером, на середине стола бутылочка со скипидаром, а в ней фитилёк. Так и освещались. В школу тоже брали с собой светильник, ставили его на парту. Мы старались во всём помогать хозяевам, а они иногда делились с нами продуктами. Зимой мы возили воду из речки на санках, а весной лопатами вскапывали «колхозный» огород (более 50 соток).

В 1945 г. я первая из всей школы вступила в комсомол. Тётка Ульяна очень меня ругала, говорила, что я чёрту душу продала...

В восьмой класс мы ходили с братом Иваном за 25 км в село Знаменское. За плечами рюкзак, в руках туесок с продуктами. В субботу поздно вечером приходили домой, а в воскресенье к вечеру возвращались в Знаменку. Через две недели – такой же маршрут.

Как-то весной мы с Ваней шли от Качуково и вдруг – смотрим, кто-то прошёл босиком по дороге, а потом повернул в тайгу. Мы догадались, что это был Михайло Потапович – медведь. Старожилы рассказывали, что когда-то у них в деревне медведь снял скальп с головы одной женщины. Медведей мы вживую не встречали, но муравейники ими разрытые часто попадались...

Испытания (экзамены) сдавали каждый год весной, начиная с 4-го класса. С 8-го класса обучение было платным. Летом мы заготавливали бруснику, клюкву, кедровые орехи, хмель, лиственничную смолу. Зимой в свободное воскресенье продавали дары леса на базаре. Деньги от полученной выручкой шли в счёт обучения.

Школу я закончила на четвёрки и пятерки, только по химии была тройка. За специальностью отправилась в Омск. Поступила в финансовый техникум, который и успешно закончила через полтора года.

Болезни

Питались во время войны очень плохо. Картофель каждую осень был гнилой. Весной собирали медунки, лебеду, щавель, крапиву, хвощ полевой. Ли-

повые листья измельчали и пекли лепешки. Пекли и корневища рогоза. Есть хотелось всё время. Многие люди на селе опухали с голоду! Это было нонсесом – люди на селе своим трудом всегда могли прокормить свою семью, а избытки продукции продавали на рынке, либо сдавали государству по твёрдым ценам. На вырученные нужды покупались товары бытового назначения. На зиму заготавливали бруснику, клюкву, чернику, грибы, кедровые орехи.

Но страшнее голода был сыпной тиф. Болезнь переносили вши. Болели все подряд. В шестом классе нас обстригли под машинку. На квартире у Устиновых заболели все, кроме хозяина Захара и меня. Я на ночь обтиралась скипидаром, а Захар отгонял вшей дымом от самокрутки.

Хотя я не заболела, мне пришлось месяц не ходить в школу – ухаживала за больными мамой и братом Анатолием. Болели тифом обычно 12 дней. Всё это время больной был без сознания, ничего не ел, бредил и имел высокую температуру. После 12 дней начинали поправляться, но многие умирали. На летних каникулах заболела и я.

В свободную минуту

В Красном Яре был клуб, называли его Народный дом. Это был небольшой домик. Вдоль стен стояли лавки, а в центре комнаты проводились танцы. Любимыми танцами были кадриль, «лентяй» и краковяк. Вальсы и танго не танцевали. В моде была «цыганочка». Музыканты играли на гармонии, бала-лайках, мандолинах, цимбалах.

Радио не было, библиотеки тоже. На Новый год ставили праздничную ёлку, украшая её самодельными игрушками. Раздавали кулички с конфетами-подушечками и леденцы.

Кино привозили очень редко, да и то немое. На сцену ставили движок и по очереди крутили. На стене растягивали простынь. Киномеханик читал титры. Взрослые сидели на лавках, а мы на полу. Смотрели очень внимательно, стояла тишина. Первое кино в звуковом сопровождении, которое я увидела, был чёрно-белый фильм «Ленин в октябре», а цветной фильм – «Аленький цветочек». Часто денег на билеты не хватало, и кино мы смотрели с улицы через окно. Однажды зимой приехали артисты со спектаклем «Бесприданница», так мы весь спектакль просмотрели через окно.

Взрослые играли в шашки, карты, шахматы, домино, бильярд. Дети играли в лапту, чижика, кошки-мышки, «проходную», «кулю», точки, лунки.

В 1942-1945 гг. у нас в школе проводились соревнования: кросс на лыжах, стрельба из малокалиберной винтовки, метание гранаты, ползали попластунски с винтовками. Всё было самодельным: лыжи, санки, винтовки, гранаты...